“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=393

2026-yil
10-son
oktabr
ISSN 3093-8546

Автономность состава легализации преступных доходов по уголовному праву республики Узбекистан

Naubakhar Uzakbaeva,
University of World Economy and Diplomacy
Lecturer at the
e-mail: naubaharuzakbaeva@gmail.com

Аннотация. Maqolada jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirish jinoyati tarkibining avtonomligi muammosi (O‘zbekiston Respublikasi JKning 243-moddasi) tadqiq etiladi. Formal-yuridik, qiyosiy-huquqiy va statistik usullar asosida FATFning 3-tavsiyasi, xalqaro konvensiyalar talablari, Oliy sud Plenumi tushuntirishlari hamda EAGning 2022 yilgi o‘zaro baholash ma’lumotlari tahlil qilingan. Avtonomlikning protsessual, isbotlash va subyekt jihatlari ajratib ko‘rsatilgan. Qonun darajasida o‘z daromadini legallashtirish uchun javobgarlik ta’minlangani, biroq sud amaliyotida legallashtirish uchun ta’qib asosiy jinoyat bo‘yicha qarorga bog‘liq bo‘lib qolayotgani aniqlangan. 243-moddaga izoh kiritish, Plenum qarorining 4-bandini aniqlashtirish va sanksiyani tabaqalashtirish taklif etilgan.

Калит сўзлар. jinoiy daromadlarni legallashtirish, tarkib avtonomligi, predikat jinoyat, o‘z daromadini legallashtirish, FATF 3-tavsiyasi, EAG, 243-modda.

Аннотация. В статье исследуется проблема автономности состава легализации доходов, полученных от преступной деятельности (ст. 243 УК Республики Узбекистан). На основе формально-юридического, сравнительно-правового и статистического методов проанализированы требования Рекомендации 3 ФАТФ и международных конвенций, разъяснения Пленума Верховного суда Республики Узбекистан и данные взаимной оценки ЕАГ 2022 г. Выделены процессуальное, доказательственное и субъектное измерения автономности. Установлено, что на уровне закона обеспечена субъектная автономность (наказуемость самоотмывания), однако в судебной практике преследование за легализацию остаётся зависимым от решения по основному преступлению. Предложены дополнение ст. 243 УК примечанием, уточнение п. 4 постановления Пленума от 11 февраля 2011 г. № 1 и дифференциация санкции.

Ключевые слова. легализация преступных доходов, отмывание денег, автономность состава, предикатное преступление, самоотмывание, Рекомендация 3 ФАТФ, ЕАГ, статья 243 УК Республики Узбекистан.

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

Annotation. The article examines the autonomy of the money laundering offence under Article 243 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Using formal-legal, comparative and statistical methods, the author analyses FATF Recommendation 3, the relevant international conventions, the guidance of the Plenum of the Supreme Court and the data of the 2022 EAG mutual evaluation. Procedural, evidentiary and subject-related dimensions of autonomy are distinguished. The study finds that the law ensures subject-related autonomy (self-laundering is punishable), whereas in judicial practice ML prosecution remains dependent on a decision on the predicate offence. The article proposes an explanatory note to Article 243, an amendment to paragraph 4 of Plenum Resolution No. 1 of 11 February 2011, and a differentiated sanction.

Keywords. money laundering, autonomous ML offence, predicate offence, self-laundering, FATF Recommendation 3, EAG, Article 243 of the Criminal Code of Uzbekistan.

Легализация доходов, полученных от преступной деятельности, является необходимым звеном воспроизводства организованной преступности и коррупции: без придания преступным доходам правомерного вида их нельзя свободно использовать в легальном экономическом обороте. По оценке Управления ООН по наркотикам и преступности, в мире отмывается сумма порядка 2,7% мирового ВВП [1].

Для Республики Узбекистан проблема особенно актуальна. По оценкам, приведённым в отчёте Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) о взаимной оценке, теневая экономика страны может составлять от 40 до 50% ВВП [2]. В ходе национальной оценки рисков 2019 г. риски отмывания доходов от коррупции, налоговых и таможенных преступлений, незаконного оборота наркотиков, организованной преступности и мошенничества признаны очень высокими [2]. Указом Президента от 28 июня 2021 г. № УП-6252 утверждена Стратегия развития национальной системы противодействия легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения [3].

Вместе с тем результаты взаимной оценки выявили разрыв между законодательным и практическим уровнями противодействия. Техническое соответствие Рекомендации 3 ФАТФ (состав отмывания денег) оценено как “в значительной степени соответствует”, тогда как эффективность расследования и уголовного преследования за отмывание (Непосредственный результат 7) признана лишь умеренной [2]. Эксперты ЕАГ рекомендовали обеспечить возможность преследования за отмывание независимо от преследования за основное (предикатное) преступление [2]. Иначе говоря, центральной проблемой становится автономность состава легализации.

Степень изученности проблемы. Общетеоретические вопросы уголовно-правового противодействия легализации исследовались в работах Б.В. Волженкина, заложившего основы отечественного учения об отмывании денег в постсоветской науке [4], а также И.А. Клепицкого,

рассматривавшего легализацию в системе преступлений в сфере экономической деятельности [5]. Эволюция международных стандартов подробно описана У. Гилмором [6]. Проблемы самоотмывания и стандарта доказывания основного преступления рассмотрены Г. Стессенсом [7], критическая оценка расширения составов отмывания дана П. Олдриджем [8], а экономические последствия отмывания изучены Б. Унгер и соавторами [9]. Однако применительно к ст. 243 УК Республики Узбекистан проблема автономности состава с учётом разъяснений Пленума Верховного суда в редакции 2021 г. и результатов второго раунда взаимной оценки ЕАГ комплексно не исследовалась.

Цель исследования — определить содержание принципа автономности состава легализации преступных доходов, оценить его отражение в ст. 243 УК Республики Узбекистан и судебной практике и разработать предложения по совершенствованию законодательства.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: раскрыть содержание принципа автономности в международных стандартах; проанализировать конструкцию ст. 243 УК и разъяснения Пленума Верховного суда; оценить на основе статистических данных, как применяется состав на практике; определить критерии разграничения самоотмывания и распоряжения преступным доходом; сформулировать предложения de lege ferenda.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с уголовно-правовым противодействием легализации доходов, полученных от преступной деятельности. **Предметом исследования** выступают нормы международного права и уголовного законодательства Республики Узбекистан, разъяснения Пленума Верховного суда, материалы взаимной оценки ЕАГ, а также зарубежное законодательство и судебная практика.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания, позволивший рассмотреть легализацию преступных доходов во взаимосвязи с основным преступлением и в развитии правового регулирования. На его основе применялись общенаучные и частнонаучные методы.

Формально-юридический метод использован для анализа диспозиции и санкции ст. 243 УК Республики Узбекистан, а также разъяснений постановления Пленума Верховного суда от 11 февраля 2011 г. № 1 в редакции 2021 г. С его помощью выявлено содержание понятий “преступная деятельность”, “основное преступление”, “придание правомерного вида”, а также установлен характер перечня оснований, закреплённого в п. 4 постановления.

Метод системного толкования позволил соотнести ст. 243 УК с нормами Общей части УК (принцип недопустимости двойной ответственности, правила назначения наказания), со ст. 84 УПК и с положениями Закона Республики Узбекистан от 26 августа 2004 г. № 660-II «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» [10].

Сравнительно-правовой метод применён для сопоставления национальной модели с подходами Палермской конвенции, Конвенции

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

ООН против коррупции, Варшавской конвенции Совета Европы, Директивы (ЕС) 2018/1673, а также уголовного права Великобритании и Российской Федерации. Выбор зарубежных правопорядков обусловлен тем, что они представляют разные модели регулирования: английская — модель судебного прецедента с развитой доктриной автономного преследования, российская — модель раздельных составов легализации и самолегализации в правовой системе, близкой к узбекской.

Статистический метод использован для анализа данных о выявленных преступлениях по ст. 243 УК за 2016–2020 гг. и о зарегистрированной преступности, приведённых в отчёте ЕАГ. Рассчитаны относительные показатели: темпы изменения и доля легализации в общем числе зарегистрированных преступлений.

Метод анализа документов применён к материалам ФАТФ и ЕАГ: Методологии оценки технического соответствия, отчёту о взаимной оценке Республики Узбекистан 2022 г. и отчёту о прогрессе 2023 г. Эмпирическую базу исследования составили указанные отчёты, нормативные правовые акты Республики Узбекистан и зарубежных государств, разъяснения высших судебных инстанций, а также материалы прецедентной практики Великобритании.

Исследование имеет ограничения. Статистика взаимной оценки охватывает период 2016–2020 гг., поскольку выездная миссия экспертов ЕАГ проводилась в 2021 г.; сопоставимые открытые данные за последующие годы не опубликованы. Выводы о правоприменительной практике основаны на обобщениях экспертов ЕАГ и разъяснениях Пленума, а не на сплошном изучении приговоров.

1. Содержание принципа автономности в международных стандартах

Обязанность криминализировать легализацию впервые закреплена в ст. 3 Венской конвенции ООН 1988 г. [11] и распространена на широкий круг основных преступлений ст. 6 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [12] и ст. 23 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. [13], участницей которых является Узбекистан. Обе конвенции допускают неприменение состава отмывания к лицу, совершившему основное преступление, только если этого требуют основополагающие принципы внутреннего права. Самоотмывание, таким образом, является общим правилом.

Варшавская конвенция Совета Европы 2005 г. прямо устанавливает, что предшествующее или одновременное осуждение за основное преступление не является условием осуждения за отмывание (п. 5 ст. 9), а точное установление того, какое именно основное преступление породило имущество, не обязательно (п. 6 ст. 9) [14]. Аналогичные требования содержатся в критериях 3.5–3.8 Методологии ФАТФ [15] и в ст. 3 Директивы (ЕС) 2018/1673, которая, кроме того, обязывает государства криминализировать самоотмывание [16]. Апелляционный суд Англии и Уэльса в деле *R v Anwoir* (2008) признал, что преступный характер имущества может быть доказан не только указанием на преступление определённого вида, но и обстоятельствами, из которых неизбежно следует вывод о его преступном происхождении [17].

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

Обобщение этих источников позволяет выделить три измерения автономности. *Процессуальная* автономность означает независимость уголовного преследования за легализацию от приговора по основному преступлению. *Доказательственная* автономность означает возможность установить преступное происхождение имущества по совокупности обстоятельств без конкретизации основного преступления (его времени, места и исполнителя). *Субъектная* автономность означает ответственность за легализацию лица, совершившего основное преступление.

2. Автономность состава в законодательстве и судебной практике Узбекистана

Статья 243 УК в редакции Закона от 22 сентября 2009 г. № ЗРУ-223 определяет легализацию как придание правомерного вида происхождению денежных средств или иного имущества путём их перевода, превращения или обмена, а также сокрытие подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на такое имущество или его принадлежности, если оно получено в результате преступной деятельности. Санкция предусматривает лишение свободы от пяти до десяти лет [18]. Закон избрал подход “всех преступлений”, не ограничивая круг основных преступлений перечнем, и не исключает из числа субъектов лицо, совершившее основное преступление. Следовательно, субъектная автономность обеспечена на уровне закона.

Соотношение легализации и основного преступления урегулировано постановлением Пленума Верховного суда от 11 февраля 2011 г. № 1 в редакции от 10 июня 2021 г. № 23. Согласно п. 2 постановления, не имеет значения, совершено ли основное преступление на территории Узбекистана или за рубежом, одним лицом или организованной группой. Пункт 3.2 позволяет учитывать отсутствие у лица законных источников дохода в совокупности с доказательствами действий, образующих объективную сторону легализации. Согласно же п. 4, вывод о преступном происхождении имущества наряду с иными материалами может основываться на обвинительном приговоре по основному преступлению либо на решении о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям ст. 84 УПК [19].

Грамматически перечень п. 4 открыт (“наряду с иными материалами”, “может основываться”), однако в нём названы только процессуальные решения по основному преступлению, и правоприменение воспринимает его как закрытый. Это подтверждают выводы ЕАГ: преследование за отмывание, как правило, ведётся вместе с преследованием за предикатное преступление, после осуждения за него или после прекращения дела по нереабилитирующим основаниям [2]. Большинство выявленных дел касается самоотмывания без сложных схем, а отмывание третьими лицами и профессиональное отмывание выявлялось лишь в единичных случаях [2]. Большинство фактов легализации выявлено в ходе расследования основных преступлений [2].

Таблица 1

Выявленные преступления, связанные с легализацией преступных доходов (2016–2020 гг.)

Источник: по данным отчёта ЕАГ о взаимной оценке 2022 г., охватывающего период 2016–2020 гг. (табл. А) [2].

За пять лет число выявленных фактов легализации сократилось с 90 до 48, то есть на 46,7%, а в 2019 г. падение достигало 56,7% (расчёт автора). В то же время в 2020 г. зарегистрировано 62 081 преступление, а число мошенничеств выросло на 65,6% по сравнению с предыдущим годом (10 496 против 6 321) [2]. На одно выявленное преступление по ст. 243 УК в 2020 г. приходилось около 1 293 зарегистрированных преступлений, а доля легализации составила около 0,08% (расчёт автора). При теневой экономике в 40–50% ВВП такая динамика свидетельствует не о сокращении самого явления, а о высокой латентности легализации и о том, что она выявляется лишь попутно с раскрытием основного преступления.

Эксперты ЕАГ указали и на институциональную причину: предварительное следствие по делам о легализации по общему правилу отнесено к компетенции МВД, и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут быть недостаточно заинтересованы в выявлении таких преступлений [2]. Таким образом, из трёх измерений автономности в национальной системе реализовано только субъектное, тогда как процессуальная и доказательственная автономность остаются на уровне отдельных элементов (п. 2 и 3.2 постановления Пленума) и не сформированы как правило.

1. Автономность и презумпция невиновности

Против расширения автономности может быть выдвинут довод о риске нарушения презумпции невиновности, закреплённой в Конституции Республики Узбекистан: если лицо не осуждено за основное преступление, можно ли признать имущество полученным преступным путём? Представляется, что этот довод не препятствует автономному преследованию. Преступное происхождение имущества является признаком состава легализации и доказывается обвинением в том же деле по общим правилам, с тем же стандартом доказывания. Бремя доказывания на обвиняемого не переносится; меняется лишь то, что вывод о преступном происхождении имущества не обязан опираться на отдельное процессуальное решение. Именно такой подход закреплён в Варшавской конвенции и в практике *R v Anwoir*, где требуется, чтобы вывод о преступном происхождении был единственно возможным.

2. Самоотмывание и недопустимость двойной ответственности

Наказуемость самоотмывания требует чёткой границы между легализацией и обычным распоряжением преступным доходом, иначе любое использование похищенного или полученного в виде взятки имущества будет квалифицироваться по совокупности со ст. 243 УК вопреки принципу недопустимости двойной ответственности за одно деяние. Пленум отграничивает легализацию от приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путём (ст. 171 УК), по признаку придания имуществу правомерного вида [19], но специального критерия для самоотмывания не даёт.

В уголовном праве Российской Федерации проблема решена разделением составов: ст. 174 УК РФ касается имущества, приобретённого другими лицами, ст. 174.1 — приобретённого самим лицом [20]. Пленум

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

Верховного Суда РФ разъясняет, что сделки с имуществом, являющиеся способом совершения основного преступления или распоряжения его предметом, легализации не образуют [21]. Директива ЕС 2018/1673, напротив, сохраняет единый состав, ориентируя на случаи, когда самоотмывание причиняет вред, выходящий за пределы вреда от основного преступления.

Для Узбекистана предпочтительна вторая модель: разделение составов не требуется, поскольку ст. 243 УК уже охватывает оба случая. Достаточно закрепить в разъяснениях Пленума критерий, согласно которому самоотмыванием признаются действия с преступным доходом, совершённые после окончания основного преступления и направленные на введение имущества в легальный оборот с маскировкой его происхождения. Использование дохода для личного потребления без такой маскировки охватывается составом основного преступления.

3. Санкция ст. 243 УК как фактор, сдерживающий автономное преследование

Санкция ст. 243 УК предусматривает единственный вид наказания — лишение свободы от пяти до десяти лет, а порог ответственности не установлен. Пленум признаёт это и предлагает судам определять соразмерность наказания с учётом понятий значительного, крупного и особо крупного размера (п. 8) [19]. Эксперты ЕАГ оценили санкции как сдерживающие, но несоразмерные, отметив, что к юридическим лицам они не применяются [2], а суды часто назначают наказание ниже низшего предела санкции [2]. По Рекомендации 35 (санкции) у Узбекистана сохраняется оценка «частично соответствует» [22].

Представляется, что жёсткость и недифференцированность санкции прямо связаны с проблемой автономности. Когда минимальное наказание составляет пять лет лишения свободы, правоприменитель стремится «привязать» обвинение в легализации к уже доказанному основному преступлению, чтобы снизить риск судебной ошибки. Дифференциация санкции устранила бы этот стимул и позволила бы применять состав к третьим лицам с меньшей степенью вовлечённости.

На основе результатов исследования предлагается следующее.

Во-первых, дополнить ст. 243 УК примечанием: “Уголовная ответственность по настоящей статье наступает независимо от осуждения лица за совершение основного преступления. Преступное происхождение денежных средств или иного имущества может быть установлено на основе совокупности доказательств по уголовному делу, в том числе если основное преступление совершено за пределами Республики Узбекистан либо его конкретный вид и лицо, его совершившее, не установлены”.

Во-вторых, дополнить п. 4 постановления Пленума от 11 февраля 2011 г. № 1 указанием на то, что вывод о преступном происхождении имущества может основываться на совокупности фактических обстоятельств, исключающих разумное объяснение его законного происхождения: характере и экономической бессмысленности операций, использовании подставных лиц, несоответствии имущества легальным доходам лица.

В-третьих, включить в постановление Пленума критерий разграничения самоотмывания и распоряжения доходом в рамках

основного преступления, основанный на признаке введения имущества в легальный оборот с маскировкой его происхождения.

В-четвёртых, дифференцировать ответственность по ст. 243 УК. В основном составе следует предусмотреть альтернативные наказания: штраф, ограничение свободы, лишение свободы до пяти лет. Более строгие санкции следует связать с квалифицирующими признаками: крупным и особо крупным размером, совершением группой лиц по предварительному сговору, с использованием служебного положения, организованной группой, профессиональным осуществлением легализации.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Принцип автономности состава легализации в международных стандартах включает три измерения: процессуальное, доказательственное и субъектное.

2. Статья 243 УК Республики Узбекистан обеспечивает субъектную автономность, поскольку самоотмывание наказуемо без оговорок. Процессуальная и доказательственная автономность в судебной практике не реализованы: вывод о преступном происхождении имущества фактически основывается на решении по основному преступлению, что обусловлено толкованием п. 4 постановления Пленума как закрытого перечня.

3. Эмпирические данные подтверждают этот вывод: число выявленных легализаций снизилось с 90 в 2016 г. до 48 в 2020 г. на фоне роста корыстной преступности, преобладают дела о самоотмывании, а дела об отмывании третьими лицами единичны.

4. Автономное преследование не противоречит презумпции невиновности, поскольку преступное происхождение имущества доказывается обвинением в самом деле о легализации по общим правилам.

5. Недифференцированная санкция ст. 243 УК косвенно сдерживает автономное применение состава. Предложенные примечание к ст. 243 УК, уточнение разъяснений Пленума и дифференциация санкции позволят сделать состав легализации самостоятельным инструментом противодействия преступным доходам.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение приговоров по ст. 243 УК за 2021 г. и последующие годы, а также вопроса об ответственности юридических лиц за легализацию.

Список использованной литературы:

1. UNODC. (2011). Estimating Illicit Financial Flows Resulting from Drug Trafficking and Other Transnational Organized Crimes: Research Report. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime.

2. EAG. (2022). Mutual Evaluation Report of the Republic of Uzbekistan. Moscow: Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism. Available at: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/fsrb-mer/EAG-Mutual-Evaluation-Republic-Uzbekistan.pdf

3. Указ Президента Республики Узбекистан от 28 июня 2021 г. № УП-6252 «Об утверждении Стратегии развития национальной системы противодействия легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию

распространения оружия массового уничтожения Республики Узбекистан». Available at: https://lex.uz/ru/docs/5482739

4. Волженкин, Б. В. (1998). Отмывание денег. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ.

5. Клепицкий, И. А. (2005). Система хозяйственных преступлений. Москва: Статут.

6. Gilmore, W. C. (2011). Dirty Money: The Evolution of International Measures to Counter Money Laundering and the Financing of Terrorism (4th ed.). Strasbourg: Council of Europe Publishing.

7. Stessens, G. (2000). Money Laundering: A New International Law Enforcement Model. Cambridge: Cambridge University Press.

8. Alldridge, P. (2016). What Went Wrong with Money Laundering Law? London: Palgrave Macmillan.

9. Unger, B., Rawlings, G., Siegel, M., et al. (2007). The Scale and Impacts of Money Laundering. Cheltenham: Edward Elgar.

10. Закон Республики Узбекистан от 26 августа 2004 г. № 660-II «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» (с изменениями и дополнениями). Available at: https://lex.uz/ru/docs/284542

11. Конвенция Организации Объединённых Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 г.), статья 3.

12. Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности (Палермо, 15 ноября 2000 г.), статья 6.

13. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.), статья 23.

14. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.), CETS No. 198, статья 9.

15. FATF. (2013, with updates). Methodology for Assessing Technical Compliance with the FATF Recommendations and the Effectiveness of AML/CFT Systems. Paris: Financial Action Task Force.

16. Directive (EU) 2018/1673 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on combating money laundering by criminal law. Official Journal of the European Union, L 284, 22–30.

17. R v Anwoir and others [2008] EWCA Crim 1354.

18. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. (с изменениями и дополнениями), статья 243. Available at: https://lex.uz/docs/111457

19. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 11 февраля 2011 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о легализации доходов, полученных от преступной деятельности» (в редакции постановления от 10 июня 2021 г. № 23). Available at: https://lex.uz/acts/1766551

20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями), статьи 174, 174.1.

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

22. EAG. (2023). Uzbekistan’s Progress in Strengthening Measures to Tackle Money Laundering and Terrorist Financing: Follow-Up Report. Available at: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/fur-uzbekistan-2023.html